

Максим Горький

**Один из королей
республики**

Максим Горький
Один из королей республики
Серия «Мои интервью», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=628975

Аннотация

«...Стальные, керосиновые и все другие короли Соединенных Штатов всегда смущали моё воображение. Людей, у которых так много денег, я не мог себе представить обыкновенными людьми...»

Максим Горький

Один из королей республики

...Стальные, керосиновые и все другие короли Соединенных Штатов всегда смущали моё воображение. Людей, у которых так много денег, я не мог себе представить обыкновенными людьми.

Мне казалось, что у каждого из них по крайней мере три желудка и полтора рта штук зубов во рту. Я был уверен, что миллионер каждый день с шести часов утра и до двенадцати ночи всё время, без отдыха – ест. Он истребляет самую дорогую пищу: гусей, индеек, поросят, редиску с маслом, пуддинги, кэки и прочие вкусные вещи. К вечеру он так устаёт работать челюстями, что приказывает жевать пищу неграм, а сам уж только проглатывает её. Наконец, он совершенно теряет энергию, и, облитого потом, задыхающегося, негры уносят его спать. А наутро, с шести часов, он снова начинает свою мучительную жизнь.

Однако и такое напряжение сил не позволяет ему проесть даже половину процентов с капитала.

Разумеется, такая жизнь тяжела. Но – что же делать? Какой смысл быть миллионером, если ты не можешь съесть больше, чем обыкновенный человек?

Мне казалось, он должен носить бельё из парчи, каблуки его сапог подбиты золотыми гвоздями, а на голове, вместо шляпы, что-нибудь из бриллиантов. Его сюртук сшит из самого дорогого бархата, имеет не менее пятидесяти футов длины и украшен золотыми пуговицами в количестве не меньше трехсот штук. По праздникам он надевает сразу восемь сюртуков и шесть пар брюк. Конечно это и неудобно, и стесняет... Но, будучи таким богатым, нельзя же одеваться, как все...

Карман миллионера я понимал как яму, куда свободно можно спрятать церковь, здание сената и всё, что нужно... Однако, представляя ёмкость живота такого джентльмена подобной трюму хорошего морского парохода, – я не мог вообразить длину ноги и брюк этого существа. Но я думал, что одеяло, под которым он спит, должно быть не меньше квадратной мили. И если он жуёт табак, то, разумеется, самый лучший и фунта по два сразу. А если нюхает, так не меньше фунта на один приём. Деньги требуют, чтобы их тратили...

Пальцы его рук обладают удивительным чутьём и волшебной силой удлиняться по желанию: если он, сидя в Нью-Йорке, почувствует, что где-то в Сибири вырос доллар, – он протягивает руку через Берингов пролив и срывает любимое растение, не сходя с места.

Странно, что при всём этом я не мог представить – какой вид имеет голова чудовища. Более того, голова казалась мне совершенно лишней при этой массе мускулов и кости,

одушевлённой влечением выжимать из всего золото. Вообще моё представление о миллионере не имело законченной формы. В кратких словах, это были прежде всего длинные эластичные руки. Они охватили весь земной шар, приблизили его к большой, тёмной пасти, и эта пасть сосёт, грызёт и жуёт нашу планету, обливая её жадной слюной, как горячую печёную картофелину...

Можете вообразить моё изумление, когда я, встретив миллионера, увидел, что это самый обыкновенный человек.

Передо мной сидел в глубоком кресле длинный, сухой старик, спокойно сложив на животе нормального размера коричневые сморщенные руки обычной человеческой величины. Дряблая кожа его лица была тщательно выбрита, устало опущенная нижняя губа открывала хорошо сделанные челюсти, они были усажены золотыми зубами. Верхняя губа – бритая, бескровная и тонкая – плотно прилипла к его жевательной машинке, и когда старик говорил, она почти не двигалась. Его бесцветные глаза не имели бровей, матовый череп был лишён волос. Казалось, что этому лицу немного не хватало кожи и всё оно – красноватое, неподвижное и гладкое – напоминало о лице новорождённого ребёнка. Трудно было определить – начинает это существо свою жизнь или уже подошло к её концу... Одет он был тоже как простой смертный. Перстень, часы и зубы – это всё золото, какое было на нём. Взятые вместе, оно весило, вероятно, менее полуфунта. В общем этот человек напоминал собой старого слугу

из аристократического дома Европы...

Обстановка комнаты, в которой он принял меня, не поражала роскошью, не восхищала красотой. Мебель была солидная, вот всё, что можно сказать о ней.

«Вероятно, в этот дом иногда заходят слоны...» – вот какую мысль вызывала мебель.

– Это вы... миллионер? – спросил я, не веря своим глазам.

– О, да! – ответил он, убеждённо кивая головой.

Я сделал вид, что верю ему, и решил сразу вывести его на чистую воду.

– Сколько вы можете съесть мяса за завтраком? – поставил я ему вопрос.

– Я не ем мяса! – объявил он. – Ломтик апельсина, яйцо, маленькая чашка чая – вот всё...

Его невинные глаза младенца тускло блестели передо мной, как две большие капли мутной воды, и я не видел в них ни одной искры лжи.

– Хорошо! – сказал я в недоумении. – Но будьте искренны, скажите мне откровенно – сколько раз в день едите вы?

– Два! – спокойно ответил он. – Завтрак и обед – это вполне достаточно для меня. На обед тарелка супу, белое мясо и что-нибудь сладкое. Фрукты. Чашка кофе. Сигара...

Моё изумление росло с быстротой тыквы. Он смотрел на меня глазами святого. Я перевёл дух и сказал:

– Но если это правда, – что же вы делаете с вашими деньгами?

Тогда он немного приподнял плечи, его глаза пошевелились в орбитах, и он ответил:

– Я делаю ими ещё деньги.

– Зачем?

– Чтобы сделать ещё деньги...

– Зачем? – повторил я.

Он наклонился ко мне, упираясь локтями в ручки кресла, и с оттенком некоторого любопытства спросил:

– Вы – сумасшедший?

– А вы? – ответил я вопросом.

Старик наклонил голову и сквозь золото зубов протянул:

– Забавный малый... Я, может быть, первый раз вижу такого...

После этого он поднял голову и, растянув рот далеко к ушам, стал молча рассматривать меня. Судя по спокойствию его лица, он, видимо, считал себя вполне нормальным человеком. В его галстухе я заметил булавку с небольшим бриллиантом. Имей этот камень величину каблука, я ещё понял бы что-нибудь.

– Чем же вы занимаетесь? – спросил я.

– Делаю деньги! – кратко сказал он, подняв плечи.

– Фальшивый монетчик? – с радостью воскликнул я; мне показалось, что я приближаюсь к открытию тайны. Но тут он начал негромко икать. Всё его тело вздрагивало, как будто невидимая рука щекотала его подмышками. Его глаза часто мигали.

– Это весело! – сказал он, успокоясь и обливая моё лицо влагой довольного взгляда. – Спросите ещё что-нибудь! – предложил он и зачем-то надул щёки.

Я подумал и твёрдо поставил ему вопрос:

– Как вы делаете деньги?

– А! Понимаю! – сказал он, кивая головой. – Это очень просто. У меня железные дороги. Фермеры производят товар. Я его доставляю на рынки. Рассчитываешь, сколько нужно оставить фермеру денег, чтобы он не умер с голоду и мог работать дальше, а всё остальное берёшь себе как тариф за провоз. Очень просто.

– Фермеры довольны этим?

– Не все, я думаю! – сказал он с детской простотой. – Но, говорят, все люди ничем и никогда не могут быть довольны. Всегда есть чудаки, которые ворчат...

– Правительство не мешает вам? – скромно спросил я.

– Правительство? – повторил он и задумался, потирая пальцами лоб. Потом, как бы вспомнив что-то, кивнул головой. – Ага... Это те... в Вашингтоне. Нет, они не мешают. Это очень хорошие ребята... Среди них есть кое-кто из моего клуба. Но их редко видишь... Поэтому иногда забываешь о них. Нет, они не мешают, – повторил он и тотчас же с любопытством спросил: – А разве есть правительства, которые мешают людям делать деньги?

Я почувствовал себя смущённым моей наивностью и его мудростью.

– Нет, – тихо сказал я, – я не о том... Я, видите ли, думал, что иногда правительство должно бы запрещать явный грабёж...

– Н-но! – возразил он. – Это идеализм. Здесь это не принято. Правительство не имеет права вмешиваться в частные дела...

Моя скромность увеличивалась перед этой спокойной мудростью ребёнка.

– Но разве разорение одним человеком многих – частное дело? – вежливо осведомился я.

– Разорение? – повторил он, широко открыв глаза. – Разорение – это когда дороги рабочие руки. И когда стачка. Но у нас есть эмигранты. Они всегда понижают плату рабочим и охотно замещают стачечников. Когда их наберётся в страну достаточно для того, чтобы они дёшево работали и много покупали, – всё будет хорошо.

Он несколько оживился и стал менее похож на старика и младенца, смешанных в одном лице. Его тонкие, тёмные пальцы зашевелились, и сухой голос быстрее затрещал в моих ушах.

– Правительство? Это, пожалуй, интересный вопрос, да. Хорошее правительство необходимо. Оно разрешает такие задачи: в стране должно быть столько народа, сколько мне нужно для того, чтобы он купил у меня всё, что я хочу продать. Рабочих должно быть столько, чтобы я в них не нуждался. Но – ни одного лишнего! Тогда – не будет социали-

стов. И стачек. Правительство не должно брать высоких налогов. Всё, что может дать народ, – я сам возьму. Вот что я называю – хорошее правительство.

«Он обнаруживает глупость – это несомненный признак сознания своего величия, – подумал я. – Пожалуй, он действительно король...»

– Мне нужно, – продолжал он уверенным и твёрдым тоном, – чтобы в стране был порядок. Правительство нанимает за небольшую плату разных философов, которые не менее восьми часов каждое воскресенье учат народ уважать законы. Если для этого недостаточно философов – пускайте в дело солдат. Здесь важны не приёмы, а только результаты. Потребитель и рабочий обязаны уважать законы. Вот и всё! – закончил он, играя пальцами.

«Нет, он не глуп, едва ли он король!» – подумал я и спросил: – Вы довольны современным правительством?

Он ответил не сразу.

– Оно делает меньше, чем может. Я говорю: эмигрантов нужно пока пускать в страну. Но у нас есть политическая свобода, которой они пользуются, – за это нужно заплатить. Пусть же каждый из них привозит с собой хотя бы пятьсот долларов. Человек, у которого есть пятьсот долларов, в десять раз лучше того, который имеет только пятьдесят... Дурные люди – бродяги, нищие, больные и прочие лентяи – нигде не нужны...

– Но ведь это сократит приток эмигрантов... – сказал я.

Старик утвердительно кивнул головой.

– Со временем я предложу совершенно закрыть для них двери в страну. А пока пусть каждый привезёт немного золота... Это полезно для страны. Потом, необходимо увеличить срок для получения гражданских прав. Впоследствии его придётся вовсе уничтожить. Пусть те, которые желают работать для американцев, – работают, но совсем не следует давать им права американских граждан. Американцев уже довольно сделано. Каждый из них сам способен позаботиться о том, чтобы население страны увеличивалось. Всё это – дело правительства. Его необходимо поставить иначе. Члены правительства все должны быть акционерами в промышленных предприятиях – тогда они скорее и легче поймут интересы страны. Теперь мне нужно покупать сенаторов, чтобы убедить их в необходимости для меня... разных мелочей. Тогда это будет лишнее...

Он вздохнул, дрыгнул ногой и добавил:

– Жизнь видишь правильно только с высоты горы золота.

Теперь, когда его политические взгляды были достаточно ясны, я спросил его:

– А как вы думаете о религии?

– О! – воскликнул он, ударив себя по колену и энергично двигая бровями. – Очень хорошо думаю! Религия – это необходимо народу. Я искренно верю в это. И даже сам по воскресеньям говорю проповеди в церкви... да, как же!

– А что вы говорите? – спросил я.

– Всё, что может сказать в церкви истинный христианин, всё! – убеждённо сказал он. – Я проповедую, конечно, в бедном приходе – бедняки всегда нуждаются в добром слове и отеческом поучении... Я говорю им...

Лицо его на минуту приняло младенческое выражение, но, вслед за тем, он плотно сжал губы и поднял глаза к потолку, где амуры стыдливо закрывали обнажённое тело толстой женщины с розовой кожей йоркширской свиньи. Бесцветные глаза его отразили в своей глубине пестроту красок на потолке и заблестели разноцветными искрами. Он тихо начал:

– Братья и сёстры во Христе! Не поддавайтесь внушениям хитрого Дьявола зависти, гоните прочь от себя всё земное. Жизнь на земле кратковременна: человек только до сорока лет хороший работник, после сорока его уже не принимают на фабрики. Жизнь – непрочна. Вы работаете, – неверное движение руки – и машина дробит вам кости, – солнечный удар – и готово! Вас везде стерегут болезни, всюду несчастья! Бедный человек подобен слепому на крыше высокого дома, – куда бы он ни пошёл, он упадёт и разобьётся, как говорит апостол Иаков, брат апостола Иуды. Братья! Вы не должны ценить земную жизнь, она – создание Дьявола, похитителя душ. Царство ваше, о милые дети Христа, не от мира сего, как и царство Отца вашего, – оно на небесах. И если вы терпеливо, без жалоб, без ропота, тихо окончите ваш земной путь, он примет вас в селениях рая и наградит вас за

труды на земле – вечным блаженством. Эта жизнь – только чистилище для ваших душ, и чем больше вы страдаете здесь, тем большее блаженство ждёт вас там, – как сказал сам апостол Иуда.

Он указал рукою в потолок, подумал и продолжал, холодно и твёрдо:

– Да, дорогие братья и сёстры! Вся эта жизнь пуста и ничтожна, если мы не приносим её в жертву любви к ближнему, кто бы он ни был. Не отдавайте сердца во власть бесам зависти! Чему вы можете завидовать? Земные блага – это призраки, это игрушки Дьявола. Мы все умрём – богатые и бедные, цари и углекопы, банкиры и чистильщики улиц. В прохладных садах рая, быть может, углекопы станут царями, а царь будет сметать метлой с дорожек сада опавшие листья и бумажки от конфет, которыми вы будете питаться каждый день. Братья! Чего желать на земле, в этом тёмном лесу греха, где душа плутает, как ребёнок? Идите в рай путём любви и кротости, терпите молча всё, что выпадет вам на долю. Любите всех и даже унижающих вас...

Он вновь закрыл глаза и, покачиваясь в кресле, продолжал:

– Не слушайте людей, которые возбуждают в сердцах ваших греховное чувство зависти, указывая вам на бедность одних и богатство других. Эти люди – посланники Дьявола, господь запрещает завидовать ближнему. И богатые бедны, они бедны любовью к ним. «Возлюбите богатого, ибо он

есть избранник божий!» – воскликнул Иуда, брат господень, первосвященник храма. Не внимайте проповеди равенства и других измышлений Дьявола. Что значит равенство здесь, на земле? Стремитесь только сравняться друг с другом в чистоте души пред лицом бога вашего. Несите терпеливо крест ваш, и покорность облегчит вам эту ношу. С вами бог, дети мои, и больше вам ничего не нужно!

Старик замолчал, расширив рот, и, блестя золотом зубов, с торжеством посмотрел на меня.

– Вы хорошо пользуетесь религией! – заметил я.

– О, да! Я знаю цену ей, – сказал он. – Повторяю вам – религия необходима для бедных. Мне она нравится. На земле всё принадлежит Дьяволу, говорит она. О человек, если хочешь спасти душу, не желай и ничего не трогай здесь, на земле! Ты насладишься жизнью после смерти – на небе всё для тебя! Когда люди верят в это – с ними легко иметь дело. Да. Религия – масло. Чем обильнее мы будем смазывать ею машину жизни, тем меньше будет трения частей, тем легче задача машиниста...

«Да, он король!» – решил я и почтительно спросил у этого недавнего потомка свинопаса:

– А вы себя считаете христианином?

– О, да, конечно! – воскликнул он с полным убеждением. – Но, – он поднял руку кверху и внушительно сказал: – я в то же время американец, и, как таковой, я строгий моралист...

Его лицо приняло выражение драматическое: он оттопырил губы и подвинул уши к носу.

– Что вы хотите сказать?.. – понизив голос, осведомился я.

– Пусть это будет между нами! – тихо предупредил он. – Для американца невозможно признать Христа!

– Невозможно? – шёпотом спросил я после паузы.

– Конечно, нет! – подтвердил он тоже шёпотом.

– А почему? – спросил я, помолчав.

– Он – незаконнорожденный! – Старик подмигнул мне глазом и оглянулся вокруг. – Вы понимаете? Незаконнорожденный в Америке не может быть не только богом, но даже чиновником. Его нигде не принимают в приличном обществе. За него не выйдет замуж ни одна девушка. О, мы очень строги! А если бы мы признали Христа – нам пришлось бы признавать всех незаконнорожденных порядочными людьми... даже если это дети негра и белой. Подумайте, как это ужасно! А?

Должно быть, это было действительно ужасно – глаза старика позеленели и стали круглыми, как у совы. Он с усилием подтянул нижнюю губу кверху и плотно приклеил её к зубам. Вероятно, он полагал, что эта гримаса сделает его лицо внушительным и строгим.

– А негра вы никак не можете признать за человека? – осведомился я, подавленный моралью демократической страны.

– Вот наивный малый! – воскликнул он с сожалением. –

Да ведь они же чёрные! И от них пахнет. Мы линчуем негра, лишь только узнаем, что он жил с белой, как с женой. Сейчас его за шею верёвкой и на дерево... без проволочек! Мы очень строги, если дело касается морали...

Он внушал мне теперь то почтение, с которым невольно относишься к несвежему трупу. Но я взялся за дело и должен исполнить его до конца. Я продолжал ставить вопросы, желая ускорить процесс истязания правды, свободы, разума и всего светлого, во что я верю.

– Как вы относитесь к социалистам?

– Они-то и есть слуги Дьявола! – быстро отозвался он, ударив себя ладонью по колену. – Социалисты – песок в машине жизни, песок, который, проникая всюду, расстраивает правильную работу механизма. У хорошего правительства не должно быть социалистов. В Америке они рождаются. Значит – люди в Вашингтоне не вполне ясно понимают свои задачи. Они должны лишать социалистов гражданских прав. Это уже кое-что. Я говорю – правительство должно стоять ближе к жизни. Для этого все его члены должны быть набираемы в среде миллионеров. Так!

– Вы очень цельный человек! – сказал я.

– О, да! – согласился он, утвердительно кивая головой. Теперь с его лица совершенно исчезло всё детское и на щеках явились глубокие морщины.

Мне захотелось спросить его об искусстве.

– Как вы относитесь... – начал я, но он поднял палец и

заговорил сам:

– В голове социалиста – атеизм, в животе у него – анархизм. Его душа окрылена Дьяволом крыльями безумии и злобы... Для борьбы с социалистом необходимо иметь больше религии и солдат. Религия – против атеизма, солдаты – для анархии. Сначала – насыпьте в голову социалиста свинца церковных проповедей. Если это не вылечит его – пусть солдаты набросают ему свинца в живот!..

Он убеждённо кивнул головой и твёрдо сказал:

– Велика сила Дьявола!

– О, да! – охотно согласился я.

Впервые наблюдал я силу влияния Жёлтого Дьявола – Золота – в такой яркой форме. Сухие, просверленные подагрой и ревматизмом кости старика, его слабое, истощённое тело в мешке старой кожи, вся эта небольшая куча ветхого хлама была теперь воодушевлена холодной и жёсткой волей Жёлтого Отца лжи и духовного разврата. Глаза старика сверкали, как две новые монеты, и весь он стал крепче и суше. Теперь он ещё больше походил на слугу, но я уже знал, кто его господин.

– Что вы думаете об искусстве? – спросил я.

Он взглянул на меня, провёл рукой по своему лицу и стёр с него выражение жёсткой злобы. Снова что-то младенческое явилось на этом лице.

– Как вы сказали? – спросил он.

– Что вы думаете об искусстве?

– О! – спокойно отозвался он. – Я не думаю о нём, я просто покупаю его...

– Мне это известно. Но, может быть, у вас есть свои взгляды и требования к нему?

– А! Конечно, я имею требования... Оно должно быть забавно, это искусство, – вот чего я требую. Нужно, чтобы я смеялся. В моём деле мало смешного. Необходимо впрыснуть мозг иногда чем-нибудь успокаивающим... а иногда возбуждающим энергию тела. Когда искусство делают на потолке или на стенах, оно должно возбуждать аппетит... Рекламы следует писать самыми лучшими, яркими красками. Нужно, чтобы реклама схватила вас за нос издали, ещё за милю от неё, и сразу привела, куда она зовёт. Тогда она оправдывает деньги. Статуи или вазы – всегда лучше из бронзы, чем из мрамора или фарфора: прислуга не так часто ломает бронзу, как фарфор. Очень хорошо – бои петухов и травля крыс. Это я видел в Лондоне... очень хорошо! Бокс – тоже хорошо, но не следует допускать убийства... Музыка должна быть патриотична. Марш – это всегда хорошо, но лучший марш – американский. Америка – лучшая страна мира, – вот почему американская музыка лучше всех на земле. Хорошая музыка всегда там, где хорошие люди. Американцы – лучшие люди земли. У них больше всего денег. Никто не имеет столько денег, как мы. Поэтому к нам скоро приедет весь мир...

Я слушал, как самодовольно болтал этот больной ребёнок,

и с благодарностью думал о дикарях Тасмании. Говорят, и они тоже людоеды, но у них всё-таки развито эстетическое чувство.

– Вы бываете в театре? – спросил я старого раба Жёлтого Дьявола, чтобы остановить его хвастовство страной, которую он осквернил своей жизнью.

– Театр? О, да! Я знаю, это тоже искусство! – уверенно сказал он.

– А что вам нравится в театре?

– Хорошо, когда много молодых дам декольте, а вы сидите выше их! – ответил он, подумав.

– Что вы любите больше всего в театре? – спросил я, приходя в отчаяние.

– О! – воскликнул он, раздвинув рот во всю ширину щёк. – Конечно, артисток, как все люди... Если артистки красивы и молоды – они всегда искусны. Но трудно угадать сразу, которая действительно молода. Они все так хорошо притворяются. Я понимаю, это их ремесло. Но иногда думаешь – ага, вот это девушка! Потом оказывается, что ей пятьдесят лет и она имела не менее двухсот любовников. Это уже неприятно... Артистки цирка лучше артисток театра. Они почти всегда моложе и более гибки...

Он, видимо, был хорошим знатоком в этой области. Даже я, закоренелый грешник, всю жизнь утопавший в пороках, многое узнал от него только впервые.

– А как вам нравятся стихи? – спросил я его.

– Стихи? – переспросил он, опуская глаза к сапогам и наморщив лоб. Подумал и, вскинув голову, показал мне все зубы сразу. – Стихи? О, да! Мне очень нравятся стихи. Жизнь будет очень весела, когда все начнут печатать рекламы в стихах.

– Кто ваш любимый поэт? – поспешил я поставить другой вопрос.

Старик взглянул на меня в недоумении и медленно спросил:

– Как вы сказали?

Я повторил вопрос.

– Гм... вы очень забавный малый! – сказал он, с сомнением качая головой. – За что же буду я любить поэта? И зачем нужно любить его?

– Извините меня! – произнёс я, отирая пот со лба. – Я хотел спросить вас, какая ваша любимая книга? Я исключаю книжку чеков...

– О! Это другое дело! – согласился он. – Я люблю две книги – Библию и Главную Бухгалтерскую. Они обе одинаково вдохновляют ум. Уже когда берёшь их в руки, – чувствуешь, что в них сила, которая даёт тебе всё, что нужно.

«Он издевается надо мной!» – подумал я и внимательно взглянул в его лицо. Нет. Его глаза убивали всякое сомнение в искренности этого младенца. Он сидел и кресле, как высушенное ядро ореха в своей скорлупе, и было видно, что он уверен в истине своих слов.

– Да! – продолжал он, рассматривая ногти. – Это вполне хорошие книги! Одну написали пророки, другую создал я сам. В моей книге мало слов. В ней цифры. Они рассказывают о том, что может сделать человек, если захочет работать честно и усердно. После моей смерти правительство должно бы опубликовать мою книгу. Пусть люди видят, как нужно идти, чтобы подняться на эту высоту.

И торжественным жестом победителя он обвёл вокруг себя.

Я чувствовал, что пора прекратить беседу. Не всякая голова способна относиться безразлично, когда по ней топают ногами.

– Может быть, вы скажете что-нибудь о науке? – тихо спросил я.

– Наука? – он поднял палец, глаза и посмотрел в потолок. Затем вынул часы, взглянул, который час, закрыл крышку и, намотав цепочку на палец, покачал часами в воздухе. После всего этого он вздохнул и заговорил:

– Наука... да, я знаю! Это – книги. Если в них хорошо пишут об Америке – книги полезны. Но в книгах редко пишут правду. Эти... поэты, которые делают книги, – мало зарабатывают, я думаю. В стране, где каждый занят делом, некому читать книги... Да, поэты злы, потому что у них не покупают книг. Правительство должно хорошо платить писателям книг. Сытый человек всегда добр и весел. Если вообще нужны книги об Америке, следует нанять хороших поэтов, и то-

гда будут сделаны все книги, какие нужны для Америки... Вот и всё.

– Вы несколько узко определяете науку! – заметил я.

Он опустил веки и задумался. Потом вновь открыл глаза и уверенно продолжал:

– Ну да, учителя, философы... это тоже наука. Профессора, акушерки, дантисты, я знаю. Адвокаты, доктора, инженеры. All right. Это необходимо. Хорошие науки... не должны учить дурному... Но – учитель дочери моей сказал мне однажды, что существуют социальные науки... Этого я не понимаю. Я думаю, это вредно. Хорошая наука не может быть сделана социалистом. Социалисты вовсе не должны делать науку. Науку, которая полезна или забавна, делает Эдисон, да. Фонограф, синематограф – это полезно. А когда много книг с науками – это лишнее. Людям не следует читать книг, которые могут возбудить в уме... разные сомнения. Всё на земле идёт как нужно... и вовсе незачем путать книги в дела...

Я встал.

– О! вы уходите? – спросил он.

– Да! – сказал я. – Быть может, теперь, когда я уйду, вы, наконец, всё-таки объясните мне – какой смысл быть миллионером?

Он начал икать и дрыгать ногами вместо ответа. Может быть, такова была его манера смеяться?

– Это привычка! – воскликнул он, переводя дух.

– Что привычка? – спросил я.

– Быть миллионером... это привычка!

Я подумал и поставил ему мой последний вопрос:

– Вы думаете, что бродяги, курильщики опиума и миллионеры – явления одного порядка?

Это, должно быть, обидело его. Он сделал круглые глаза, окрасил их желчью в зелёный цвет и сухо ответил:

– Я думаю, что вы плохо воспитаны.

– До свиданья! – сказал я.

Он любезно проводил меня до крыльца и остался стоять на верхней ступеньке лестницы, внимательно рассматривая носки своих сапог. Перед его домом лежала площадка, поросшая густою, ровно подстриженной травой. Я шагал по ней и наслаждался мыслью о том, что больше уже не увижу этого человека.

– Галло! – услышал я сзади себя.

Обернулся. Он стоял там, на крыльце, и смотрел на меня.

– А что, у вас в Европе есть лишние короли? – медленно спросил он.

– Мне кажется, они все лишние! – ответил я.

Он сплюнул направо и сказал:

– Я думаю нанять для себя пару хороших королей, а?

– Зачем это вам?

– Забавно, знаете. Я приказал бы им боксировать вот здесь...

Он указал на площадку перед домом и добавил тоном во-

проса:

– От часа до половины второго каждый день, а? После завтрака приятно отдать полчаса искусству... хорошо.

Он говорил серьёзно, и было видно, что он приложит все усилия, чтобы осуществить своё желание.

– Зачем вам нужны короли для этой цели? – осведомился я.

– Этого здесь ещё ни у кого нет! – кратко объяснил он.

– Но ведь короли дерутся только чужими руками! – сказал я и пошёл.

– Галло! – позвал он в другой раз.

Я снова остановился. Он всё ещё стоял на старом месте, сунув руки в карманы. На лице его выражалось что-то мечтательное.

– Вы что? – спросил я.

Он пожевал губами и медленно сказал:

– А как вы думаете, сколько это будет стоить – два короля для бокса, каждый день полчаса, в течение трёх месяцев, э?